

Хельга ПЕСКОЛЛЕР / Helga PESKOLLER

| Мгновения невозможной свободы |

Хельга ПЕСКОЛЛЕР / Helga PESKOLLER

Австрия, Инсбрук.
Университет Леопольда Франца, Институт педагогики.
Профессор, альпинистка.Austria, Innsbruck.
Leopold-Franzens University, Innsbruck. Pedagogical Institute.
Professor, climber.Helga.Peskoller@uibk.ac.at

МГНОВЕНИЯ НЕВОЗМОЖНОЙ СВОБОДЫ*

Перевод с немецкого: [Дарья КОЛЕСНИКОВА](#), кандидат философских наук,
ассистент кафедры культурологии Философского факультета СПбГУ

Автор исследует состояния бейсджамперов, осуществляющих «полет» со скалы, и последующее восприятие зрителями видеозаписи прыжка как медиасобытия. Возникают как моральные вопросы, «о какой свободе здесь идет речь и в чем она проявляется?», так и эпистемологические, «как возможно отразить интенсивные состояния совершающих прыжок и какова методология непосредственной передачи того, что они испытывают?» и т. д. Ответы на поставленные вопросы возможны, исходя из предположения, что в осуществлении этой интенсивности участвует тело с его способностью воспринимать, чувствовать и помнить, и, следовательно, именно тело должно стать частью процедуры, предметом и методом исследования. Основная задача статьи проанализировать роль тела в медиасобытии и показать возможность свободного действия.

Ключевые слова: тело, свобода, чувство, медиасобытие, экстремальный спорт, бейсджампинг

Moments of Unfeasible Freedom

The author explores the state of base-jumpers, who execute their “flight” from buildings, antennas, spans (bridges), and earth (cliffs) (from which the acronym BASE derives), together with a video recording of the jump, as a media event. There are moral questions at stake here: What kind of freedom is this, really? How does it manifest itself? There are epistemological questions as well: How can one intuit the intense state of the jumpers? What is the method of capturing the jumpers’ feelings? The answers to these questions are based on the assumption that the body, with its ability to perceive, feel and remember, experiences this intensity. Therefore, the body becomes a subject and a method of analysis. The main goal of the article is to examine the role of the body in a media event, and to demonstrate the possibility of freedom inherent in such an action.

Key words: Body, freedom, feeling, media event, extreme sport, base-jumping

...начинать

За чаем с домашней выпечкой и альпийскими сырами 85-летний летописец и архивариус горы Эйгер (Eiger) — Рудольф Руби из Гриндельвальда признается, что хотел бы пожить еще подольше только ради того, чтобы увидеть «полет» скалолазов¹. Вершина Эйгера достигает высоты 3970 метров над уровнем моря, и с 1934 года почти каждое восхождение регистрируется, но даже сама вершина не идет в сравнение с величественной северной стеной горы Эйгер (Eigerwand). Эйгер вместе с вер-

* Доклад был представлен на международной научно-практической школе «Медиафилософия, медиатеория, медиапрактика» (20–23 мая 2010 г., Санкт-Петербург).

¹ См. Anker 1998, 5.

шинами Юнгфрау (Jungfrau) и Мёнх (Mönch) горного хребта Бернских Альп находится на территории швейцарского кантона Берн, она входит в историю в сентябре 1999: непрерывно в течении двух дней пара альпинистов осуществляет восхождение на ее вершину. Анализ этого медиасобытия оправдал бы себя. Однако, в данном случае речь пойдет не о реалити-шоу и не о мифах или историях этого склона², все это послужит лишь декорацией для другого спектакля³. Эта «пьеса» была записана на видео, и стала материалом для моих размышлений о двух людях: Ханнесе Арче (Hannes Arch) и Ули Гегеншатц (Ueli Gegenschatz), которые совершили прыжок⁴ в глубины Эйгера.

² См. Peskoller 1999^a, 310ff.

³ См. Peskoller 2007d.

⁴ Это явление обозначается термином бейсджампинг (англ. BASE-jumping) — экстремальный вид спорта, в котором используется

Хельга ПЕСКОЛЛЕП / Helga PESKOLLER

| Мгновения невозможной свободы |

Спустя год, в октябре 2000, когда первый снег уже покрыл вершину и горные хребты, у меня появилась видеозапись этого события⁵.

Я следую за парой бейсджамперов при помощи образов⁶ и вопросов⁷, постановка вопроса такова: *О какой свободе здесь идет речь и в чем она проявляется?*⁸ Предположим, что речь должна идти о такой свободе, ради которой оправдано идти на большой риск. Если это не так, то рассмотрение этого вопроса будет задано в заранее узких границах. Принимая это предположение, мы сталкиваемся с проблемой непосредственной передачи того, что испытывают люди, совершающие прыжок, и это не только языковая, но и методологическая проблема, поэтому разработанные и применяемые в этих целях техники также должны стать частью рефлексии⁹. То, что этот опыт проживания интенсивен, подтверждают результаты подготовительных работ, и эту процедуру подготовки также надо принять во внимание. Предполагается, что в осуществлении интенсивности участвует тело с его способностью воспринимать, чувствовать и помнить и, следовательно, именно тело должно стать частью процедуры, предметом и методом исследования.

Экскурс: наблюдать и описывать. Мой доклад начинается постановкой вопроса о теле и его участии в процессе познания, затем следует культурно-исторический обзор темы *полета в воздухе*; оба экскурса являются частью главы, в которой речь идет о *свободном парении, приземлении и остановке*. Каждой фазе прыжка в порядке возрастания соответствует размышление о падении перед парением и прыжком перед падением. Так как прыжок представляет большую опасность, а действующие лица не стремятся к самоубийству, то, согласно тезису этого доклада, прыжок возможен только в том случае, когда чувства и состояние свободной воли, следующие за намерением и действием, включены в испытание.

...прыгать

Прыжок является окончательным действием. Нельзя чуть-чуть прыгнуть или не прыгнуть. Поэтому, прежде чем двое подходят к краю и готовятся к прыжку, все уже заранее решено. Если бы они ждали до самого последнего момента, до точки, после которой нет возврата, то было бы слишком поздно. С пересечением границы исчезает возможность для отступления; постепенно

специальный парашют для прыжков с фиксированных объектов. V.A.S.E. — акроним от английских слов: Building (дом), Antenna (антенна), Span (перекрытие, мост), Earth (скала). Это перечень основных типов объектов, с которых выполняются прыжки. Спортсменов называют бейсджамперами (от англ. basejumper) или просто бейсерами. Бейсджампинг считается наиболее опасным видом прыжков с парашютом и на текущий момент рассматривается как крайне экстремальный спорт.

⁵ Eiger — V.A.S.E., видео — снято Ханнесом Арчем, 2000 г., (длительность — 2 мин.) // www.redbull-acroteam.com

⁶ Под «образами» здесь понимается различное: это и цветные фотографии, сделанные Томасом Пфефером (Thomas Pfeffer), и видеофрагменты документации Eiger — V.A.S.E., и образы как воспоминания, картины воображения.

⁷ См. Peskoller 2003a, 2004 a, b, c и 2005a.

⁸ См. Peskoller 2004c.

⁹ Подробнее об этом в проекте «За гранью привычного. Эмпирические сравнительные исследования субъективной безопасности в экстремальных жизненных ситуациях». Участники проекта: Bernhard Rathmayr, Maria Wolf, Helga Peskoller

теряется равновесие и происходит падение. Опытные бейсеры знают об этой критической точке и не только представляют ее, но и активно концентрируются на ней, поэтому они не падают ничком вниз, а активно выпрыгивают наружу. Земля под ногами передает им дополнительный импульс уверенности, который необходим, чтобы занять правильное положение в воздухе. Более опытный спортсмен уже нашел правильную позицию, в то время как его коллега слева еще медлит.

Тем не менее оба используют один и тот же трюк, они считают про себя: 10, 9, 8, 7, 6, 5, 4, 3, 2, 1 и перед нулем все уже должно быть *отпущено*. Имеется в виду, что все мысли и сомнения должны быть приостановлены, а чувства настолько успокоены, что тело становится подобно автомату, который уже многократно осуществлял подобное действие. Борьба с волнением чувств — самое трудное, говорит прыгун справа, по сравнению с этим такие объективные опасности как высота, ветер и погодные условия кажутся мелочью.

Добровольно в пропасть прыгает тот, кто готов твердо оценивать и быть оцененным и не нагнетает заранее страх и неуверенность. Прыгун должен овладеть мастерством обработки чувств, чтобы принять единственно верное решение. Ни в коем случае, говорит один из бейсджамперов, нельзя допускать давления ни одного из чувств: сопротивления, избегания или вытеснения.

Однако, разработкой подобных механизмов принятия решения озабочены не только эти двое спортсменов. Наверное, на вершине Эйгера эта тема кажется особенно актуальной, но за ней все же скрывается и более общая проблема повседневности, которая возникает в связи с моральным субъектом. Проблема морального субъекта заключается в вопросе о наличии инстанции, которая ответственна за обработку чувств, без работы которой чувства выходят из под контроля. Если такая инстанция имеется, то станет возможным объяснить путь, который ведет к внутреннему спокойствию и уверенности.

Для того чтобы найти ответ на этот вопрос, я покидаю сцену повседневности и обращаюсь к философии. Во введении к «Критике способности суждения» Иммануил Кант (1724–1804) относит все формы познавательной способности, способность желания, чувства удовольствия и неудовольствия к «способности души в совокупности», далее он пишет: «Две вещи наполняют душу постоянно новым и возрастающим удивлением и благоговением и тем больше, чем чаще и внимательнее занимается ими размышление: звездное небо надо мной и нравственный закон во мне»¹⁰. Оба вида восприятия, восприятие нравственного закона и Космоса, вызывают восхищение и трепет а, следовательно, сильные чувства, и делают это сходным образом, несмотря на то, что одно находится снаружи, а второе располагается глубоко внутри. В душе собираются противоположности, в ней соединяется два вида восприятия. Значение, которое Кант придавал душе, весьма велико, однако противоречие состоит в том, что он относит моральный субъект только к *ителлигибельному миру*, и определяет его как инстанцию, которая создает нравственный закон из чистого разума. Моральный субъект, отделенный от чувственного опыта и воспри-

¹⁰ Kant 1986, 161, см. также G. Böhme/H. Böhme 1992 и H. Böhme 1989

Хельга ПЕСКОЛЛЕР / Helga PESKOLLER

| Мгновения невозможной свободы |

ятия, встает перед вопросом, откуда он может получить знание о том, что долженствование вообще существует¹¹.

Обратимся к работам Блеза Паскаля (1623–1662)¹². Математик и философ, он как и Кант говорит о существовании «места», где смешиваются все «за» и «против» опытных данных, причин и обоснований. Но, в отличие от кёнигсбержца, Паскаль полагает чувство основным мотивом нравственного действия, но не подчиняет его закону, который овладевает душой. *Логике чувств* Паскаль противопоставляет *логику разума*, при этом не предоставляя последней права преобладания. Если бы Паскаль мог стать бейсджампером, он, как и современные прыгуны, в меньшей степени полагался бы на *ordre de la raison*, чем на *ordre da coeur*.

Есть ли что-либо, что предшествует определенности и побуждает к точным расчетам? Бейсджампер отвечает спонтанно и говорит, что все зависит от однозначности ответа на простой вопрос «*должен я прыгнуть или нет?*». Что это означает, что решает этот вопрос долженствования? Я постараюсь здесь продумать возможный ответ: вопрос, должен ли я прыгать или нет, предоставляет «материал» для рассмотрения как минимум с двух позиций. С одной стороны речь идет о прыгающем, который стоит на краю и окончательно должен для себя решить, чего он хочет и что он делает. С другой стороны это объяснение не должно быть принято без осознания того, что он умеет и что он может себе позволить. Но не только прыгающий принимает решение для себя одного, а также регулирующая система общества, которой он принадлежит и из которой он не может быть просто так исключен. Должен он прыгать или нет, означает и то, кто и как его оценивает в случае, если прыжок удался или нет. Если прыгающий срывается, то оценка других для него уже более ничего не значит. В любом случае, другие едва ли могут сыграть решающую роль, но все же их мнение важно, на основе того, как прыгающий сам себя допрашивает и оценивает. Получается, что прыгающий не зависит от других, при этом не зависит и только от себя самого — и я ему верю, когда он говорит, что все зависит лишь от мгновенья, в которое внезапно воцаряется ясность. Даже когда эту ясность называют интуицией, то не совсем понятно, как осуществляется это особенное мгновение. Уверена, что ему непременно предшествует вопрос долженствования, и это мгновение указывает на одно из измерений свободы, которая, в свою очередь, складывается из двух составляющих системы тончайших расчетов — взгля-

да вперед и взгляда назад. Если ясны все причины и ожидания, «замерена» конкретная ситуация на месте, а аргументы за и против прыжка взвешены как минимум два раза — с учетом голоса других и своего собственного — и при этом сохраняется четкое убеждение, что понимание не изменится — то только тогда возрастает шанс на осуществление мгновения, которое предоставит достаточную уверенность шагнуть вперед и прыгнуть. Если прыгающий и делает этот шаг, то только потому, что действует исходя из состояния наивысшего равновесия всех познавательных способностей и чувства спокойствия, которое это равновесие обеспечивает. Это возможно не всегда и не везде, и удастся ли обрести это спокойствие или нет — этого не может предугадать даже самый опытный из прыгунов.

Процессу принятия решения предшествует сложный механизм, который был воспроизведен здесь на примере бейсджамперов. Этот процесс в меньшей степени опирается на принципы морали и в большей степени на контекстно-ориентированную этику, исходя из которой бейсджампер (которых в мире насчитывается около 500) не исключает чувства, а активно ими управляет. Когда он это делает, он также работает с еще одной проблемой, касающейся принятия *свободной* воли, которая проникнута желанием и тоской, и масштаб существования которой зависит от четкого осознания того, чем она обусловлена¹³.

...падать

Они оба прыгнули и освободились от груза проблемы принятия решения. Камера изменила ракурс и теперь показывает бейсеров не сзади, а падающими с неба. Они видят друг друга и намечают возможность парить на воздушной массе¹⁴, при этом переход от твердого к газообразному состоянию обобщим удачно не одинаково быстро. В то время как прыгун справа слегка пикирует и прорывается через воздух, второй слева уже широко раскинул руки, нашел положение равновесия и спокойно держится в воздухе. Найти себя в воздухе, означает занять стабильное положение и суметь ориентироваться в безвоздушном, разреженном пространстве. И в этой ситуации помогает слух. То, что замалчивают изображения, в действительности было бы отчетливо слышно — это шум, который производят бейсджамперы. Всего за несколько секунд бейсер достигает скорости около 180 км/ч, и тот, кто когда-нибудь пробовал высунуть руку из окна автомобиля, движущегося с такой скоростью, поймет, что я имею в виду. Соппротивление воздуха ощутимо на поверхности руки и его также хорошо слышно. Теперь представьте поверхность всего тела, незащищенного, стремительно летящего вниз. Соппротивление, которое испытывает тело в данный момент, сравнимо с тяжестью бетонного перекрытия. Что же происходит, когда джампер падает вниз, испытывая такое сопротивление? Впрочем, прыгуны только и мечтают продлить эти моменты, чтобы лучше почувствовать время падения. Для этих целей они даже сшили костюмы «летучих мышей», но это помогло им продлить падение не больше чем на мгновенье. Законы притяжения, высота и собственный вес — вот что определяет длительность падения, поэтому, по

¹¹ См. Meier-Seethaler 20013, 52

¹² Между Паскалем и Кантом можно поместить еще и третьего, и это будет Энтон Эшли Купер, известный под именем граф Шефтсбери (1671–1713). Английский философ, моралист, деятель Просвещения, в отличие от Паскаля и Канта, он много путешествовал и отклонял любой патернализм со стороны теологии и церкви. Шефтсбери исходил из пессимистических картин о человеке («Человек человеку волк»), но наблюдал за совместной жизнью людей в их повседневности, в единстве чувств, разума, склонностей и долга. Он называл общественные чувства естественными побуждениями *natural affections* и ставил их на первое место, говоря о том, что они приводят к общему благу. Там, где он говорил о моральном чувстве *moral sense* как автономной инстанции, он по-новому определял понятие «врожденного дара», не используя понятия «совесть» в платоновском или христианском толковании. Поэтому смысл правильного и неправильного для него не являлся установлением, но был основополагающей способностью, которая подлежит развитию и совершенствованию (См. Meier-Seethaler 20013, 43ff).

¹³ См. Bieri 2001

¹⁴ См. глава об истории культуры воздуха Böhme/Böhme 1996, особенно 191ff

Хельга ПЕСКОЛЛЕП / Helga PESKOLLER

| Мгновения невозможной свободы |

словам одного из прыгунов, падение вниз по прямой вовсе не искусство, а чистое принуждение.

Где преобладает линия, там пересекается возможность опытов. Этот тезис созвучен размышлениями Фрэнсиса Бэкона (1561–1626), который различал два вида опыта, *experementia vaga* и *experementia ordinata*, причем последнему он с обоснованием отдает большее предпочтение, потому что этот вид опыта пресекает ненаправленные движения и действия вслепую¹⁵. Эксперимент появляется в виде опыта, который затем сводится к порядку проведения и оценке серий испытаний. Вид опыта *experementia ordinata* он присваивает не истории, а «уверенному ходу» философии, уравнивая науки и философию. Бэкон обосновывает свою новую «науку опыта», чтобы ограничить то, что может быть потенциально испытано, и получить над этим власть. При этом он возвращается к девизу, который использовали королева Изабелла и Фердинанд при «освобождении» Испании от мавританцев и евреев: *Plus ultra*. Так был осуществлен выход испанских кораблей за пределы Гибралтарского пролива в открытый Океан для обретения нового влияния. Это была демонстрация силы влияния, которой владеет человек, если способен упорядочить вещи *plus ultra* и присвоить их в качестве опыта. К Средневековью же относился девиз *non plus ultra*, стирание этого поп позволяло действовать еще решительнее. Указание на этот переход я отметила у Дитмара Кампера. Он соотносит настоящее с термином *Ultra* как таковым, учитывая при этом, что современность превышает все границы — обуславливает безграничность, которая в противовес исходным интенциям приводит к потере различий¹⁶.

Но какое значение это имеет для бейсджамперов с Эйгера? Ну, хотя бы для демонстрации примера того, что здесь существует превышение границ. Бейсджампинг действует по типу *Ultra*, вот почему я беру его как смелую метафору XXI века.

По содержанию эти картины падения с Эйгера отражают экспериментальные действия и предвзвешивают самосознание современности. Два человека ставят опыты над собой, следуя при этом двойной структуре: они выполняют расчеты, готовятся к каждой неожиданности, строго придерживаются цели и разрабатывают план, от которого они снова и снова отклоняются в пользу нового поразительного приключения. Приключение находится между систематическим ограждением от опасности и прогрессией в неизвестное, на что указывал еще Фрэнсис Бэкон. Романист и литературовед Михаэль Нерлих занимался изучением современного отношения к «обществу риска» на примере Кретьена де Труа — выдающегося средневекового мастера куртуазного романа, период творчества которого относят к 1160–1190 гг. Этот поэт предложил удивительно точное определение понятия приключения¹⁷, поэтому Нерлих и решается

утверждать, что категория приключения до сих пор была недооценена, хотя именно она, более чем другие формы мышления, способствовала необратимому обращению мира в современность¹⁸. Западноевропейский человек через приключение придает случаю наивысшую эстетическую форму. И это при том, что первоначально приключение упоминалось как способ спасения погибающего рыцарского сословия¹⁹ и до сих пор остается гарантом непрерывности экспериментального действия, более того, оно заостряет вопрос о современных формах экспериментального существования.

...опускаться

Между тем, оба нашли правильное положение и стабильно висят в воздухе. Скорость возросла и, вместе с тем, возросло трение тел. «Состояние, когда воздух поддерживает тело со всех сторон позволяет чувствовать абсолютную свободу», — говорит Ханнес Арх, и на вопрос, какое чувство сопровождает эту абсолютную свободу он отвечает без раздумий: «это безмерная радость, которую нельзя описать, а также шок удивления от осознания того, что человек еще может испытать столько радости в этом мире».

Экскурс 1: Наблюдать и описывать

Что происходит после смены перспективы, как описать внутренние ощущения прыгающего со стороны, возможно ли «увидеть» его радость? Слишком много препятствий: лица невозможно приблизить, фигуры вдалеке остаются маленькими, однако они что-то показывают и это меня завораживает. На вопрос, откуда рождается это восхищение, я постараюсь дать ответ в этом параграфе.

Однажды человек поверил в театр, который стал «местом, где происходит нечто, достойное быть показанным»²⁰. Если бы мы могли присутствовать на премьере, то уже само место, стена горы Эйгер, оказалась бы достойной показа. Однако, видеозапись превращает место — могущественную стену — в кулисы, а на первый план выходят исполнители²¹. То, что в XVII веке олицетворяло понятие театра, сегодня относится к инсценировке.

Здесь речь идет о сравнительно молодом понятии инсценировки. Само слово было заимствовано в 1837 Августом Левальдом из французского: инсценировка, «установка в сцену» подразумевает «драматическую постановку наглядно показанную для того, чтобы внешними средствами дополнить интен-

поиска и взаимодействия, чтобы при случае, найденное новое, как например жертва, раб, друг, добыча, товар, знание или возлюбленная помогли изменить свой собственный статус. Улучшение статуса, облагораживание человека преодоленным приключением требует после возвращения новой интеграции через социальное признание оставшихся у домашнего очага и одновременно принятие возможности этого возвращения с принуждением к повторению. Программа самоспасения рыцарей звучала примерно так: тот, кто уезжает, чтобы стать человеком, должен после возвращения домой быть принят в общество, но в любое время он снова изгоняется оттуда, так как только в поиске, в состоянии опасности осуществляется наивысшее, чего человек может достигнуть на Земле. (См. Nerlich 1997, 201).

¹⁸ См. Nerlich 1997, 18

¹⁹ См. Nerlich 1997, 207ff

²⁰ Rusterholz по Fischer-Lichte 1998, 81.

²¹ См. Peskoller 2007d.

¹⁵ См. Bacon *Novum Organon* I, 82 по Kambartel 1968, 78.

¹⁶ См. Kamper 1998, 266ff.

¹⁷ Авантюристом является тот, кто недоволен, т. е. чувствует свой настоящий материальный и/или духовный статус недостаточным и имеет желание и волю испытать опасность и покинуть место, чтобы искать в неизвестном что-то, чего он не знает, что ново, редко и опасно, и должно принести прибыль в материальном и/или в духовном плане. Успех сопровождается рисками: ранения, плена, потери, смерти или безрезультатности поиска. Для сопротивления рискам необходимы осторожность, тренировка, боевая стратегия, оружейная техника, планирование, а кроме того, нужно разрабатывать системы

Хельга ПЕСКОЛЛЕР / Helga PESKOLLER

| Мгновения невозможной свободы |

цию поэта и усилить воздействие драмы»²². Внешние средства дополнения и усиления относятся скорее к «постановке декораций» чем к «постановке жизненного»²³, следствием которой должно стать проявление «невидимого»²⁴. Инсценировка является эстетической и антропологической категорией, когда она нацелена на творческий процесс, производящий культуру, где воображаемое, фиктивное и реальное каждый раз по-новому соотносятся друг с другом. Возможность этого — в усмотренной Хельмутом Плеснером эксцентричности человека²⁵. Способность человека отстраняться от самого себя создает возможность, а также необходимость инсценировки, и может пониматься как непрерывная попытка самопредставления.

Как это происходит у бейсджамперов? Они ставят перед собой вопрос долженствования, а потом представляют камеру и даже, вероятно, взгляды любопытствующих из Гриндельвальда, но когда постановка закончена и остается лишь видеозапись, то с помощью своих воспоминаний они вновь инсценируют опыт, составленный по отголоскам опьяняющего переживания. Ханнес Арх спустя год после прыжка решил использовать эту возможность и передал мне копию своего видео со следующим комментарием: «здесь мало что можно увидеть, все происходит очень быстро — всего пара секунд и все закончилось».

Эту запись я просмотрела много раз, но что-либо разглядеть было действительно сложно, пока я не нашла подходящую для этой скорости. Для этой цели на 10% было увеличено время просмотра, а также пришлось убрать звук и цвет, чтобы лучше сконцентрироваться на самом прыжке. Первоначально внимание направлено на рассмотрение самих тел, а затем на пространство, в котором эти тела передвигаются. Оба принципа, которые действуют во время наблюдения, при замедлении или повторении фрагментов становятся еще более ощутимы и держат меня в постоянном напряжении. Чтобы убедиться в том, что это ощущение преследует не только меня, я показала это видео другим людям — и каждый раз эксперимент производил такой же эффект. Тела в приближении замедленного действия завораживали, не ускользая от взгляда дилетанта, эксперта или исследователя. Напряжение, которое они вызывают, должно быть связано с актом восприятия, которое непроизвольно «присоединяет» нас к этим телам. Это «присоединение» взаимосвязано с памятью тела, которая активирует восприятие. Так как едва ли кто-то может остаться незатронутым и может отстранить себя от внезапного воздействия этого изображения, то я определяю раздражающий фактор этих «ползущих» образов не как ошибку или недостаток, а напротив, как тему достойную исследования. Знание о «заражении» и его принятии дало начало процессу анализа, которой я определяю как описание, что было отражено в исследованиях о скалолазанье и альпинизме²⁶. Процесс описания, используя сокращение дистанции, исходит из того, что не существует мышления вне тела и прочных оснований по ту сторону образа, это приводит к осознанию того, что приближение к телу и образам телесного не только привлекает внимание, но также производит энер-

гию, которая становится движущей силой, частью и предметом этого процесса. Необходим подробный анализ, чтобы сравнить то эмоциональное напряжение, которое возникает у зрителей при просмотре видеозаписи падающих с Эйгера тел, с той эмоциональной энергией, которая исходит от одаренных актеров со сцены, о чем пишет Эрика Фишер-Лихте²⁷. Хотя я не сомневаюсь в том, что и тут, и там эмоции производятся, циркулируют, а затем воспринимаются как событие, которое делает возможным опыт присутствия. Этот опыт осязаемого настоящего²⁸ свидетельствует о силе, которая исходит от других и затрагивает непосредственно каждого, когда мы ощущаем себя как воплощенный разум *embodied mind*²⁹. Это ощущение не мешает исследовательскому процессу, а скорее провоцирует его и приводит к осознанию того, что в экстремальном спорте и в наблюдении или изучении его недопустимо допускать разделение тела с духом. Поэтому описание является этнографическим процессом, оно работает в непосредственной близости к телам с их болезненной восприимчивостью к дуализму тело-дух и сталкивается с самоотчужденностью в собственном теле, которая на этом дуализме основывается. Осязаемая собственная отчужденность соотносится с запечатленной в образах отчужден-

...продолжать опускаться

Когда бейсджампер продолжает снижение, он просто опускается, не делая при этом лишних движений. Любое действие может разрушить это состояние абсолютной свободы. Я пытаюсь определить эту «абсолютную» свободу вместе с Жоржем Батаем, который определяет ее не как отвлеченный идеал, но как конкретный опыт, и как таковая она вызывает внезапное крушение тех способов существования, которые обычно определяют обыденную жизнь людей. Конкретно проживаемая свобода скандальна и революционна, причем, я (еще) не зашла так далеко, чтобы утверждать, что бейсджампинг изменяет общество. Но я все-таки решаю предположить, что абсолютная свобода как радикальная практика общественных отношений отражает прогрессивные взгляды индивидов, она повторяется, удваивается в этом отражении, а через повторение прорабатывает и критикует себя самое. Мое предположение идет еще дальше и затрагивает след за политическим гносеологическим импульсом, которой также содержит в себе эта практика. Батай в размышлениях о гносеологическом импульсе, настаивает на том, что изменению мышления должно предшествовать экстатическое осознание возможного мира как тотальной (у)траты. Такое изменение проявляется в результате процесса разрушения механизмов власти, с которыми мышление сцеплено. Прежде чем начать критиковать современное общество, нужно попытаться критически отнестись к тем категориям, в которых отражается социальное — а это требует немалых усилий³⁰.

Если мы соотнесем требования Батая с высказыванием бейсджампера об абсолютной свободе и безмерной радости, то получается, что экстремальный спорт оказывается в подчинении у революционного, подрывного, субверсивного движения. Это движение призывает к удивлению, делает ставку на растра-

²² См. Lewald цит. по Fischer-Lichte 1998, 82.

²³ См. Fischer-Lichte 1998, 83.

²⁴ См. Craig цит. по Fischer-Lichte 1998, 84.

²⁵ См. Plessner 1964.

²⁶ См. например, Peskoller 1999a,c, 2000, 2003a,b, 2005b, 2007b

²⁷ См. Fischer-Lichte 2006, 180 und 2004, insbes.130ff

²⁸ См. Fischer-Lichte 2006, 180

²⁹ См. Varela/Thomson/Rosch 1999, Merleau-Ponty 1994

³⁰ См. Bischof 1984, 8f

Хельга ПЕСКОЛЛЕП / Helga PESKOLLER

| Мгновения невозможной свободы |

ту тела, чувств и, провоцируя моменты экстаза и опьянения, участвует в разрушении форм мышления, на которых покоится западноевропейская культура. Рита Бишоф, ссылаясь на Ницше и Батая, охарактеризовала это субверсивное движение понятием, отсылающим к двум направлениям: к метафизике имманентности, которая прячется за поверхностью нерациональных феноменов и к политической теории тоталитарного господства³¹.

В связи с этим, бейсджампинг мог бы использоваться как направленное вторжение в застопорившиеся системы мышления и действия, не возводя при этом контрсистем. Вспомним, что первопричина радости состояла в том, что материя воздуха приходила в действие и «держала» тело прыгуна. Однако так как действие не относится к порядку планирования, но к порядку последовательности³², радость от прыжка не может быть следствием воли или сознания прыгающего, а только результатом доверия тому, чтобы отказаться от силы воли и сверхсознания мира, ради момента, распыляющего искры свободы и радости.

Экскурс 2: о полете в воздухе

Желание летать старо как мир, я точно не знаю, но должно быть оно очень древнее³³. Сначала, когда мечта о полете была только мечтой, она не имела ничего общего с воздухом и его могуществом. В большей степени эта мечта была чистой фантазией и, следовательно, сам полет представлялся легким и безопасным. Чем смелее фантазия отрывалась от земли и стремительней улетала вперед, тем уверенней становились ее движения. Желание летать заложено, видимо, в самой природе человека. Хартмут Бёме выделяет мифические представления о богах, пророках, героях, которым приписывалась способность летать — как, например Гермесу, окрыленному посланцу богов, или библейским пророкам, шаманам, факирам или волшебникам, которые могли летать при помощи магических практик. Исключением является Икар, потому что его полет является уже техническим проектом³⁴. Чтобы не описывать здесь весь долгий путь технической реализации и усовершенствования полетов, от расцвета Кносса ок. 1500 до н. э. и до Отто Лилиенталя, отмечу, что основные мотивы различных представлений о полете всегда совпадали с идеей преодоления земного притяжения и давали некоторое представление о той силе, которая только и позволяет нам вообще все это себе представить. Речь идет о силе воображения. Нужно учитывать тот факт, что человек, которому она принадлежит, намного сложнее, чем каждый элемент, на который сила воображения похожа. Воздух определяется как окружающая землю газовая смесь или же как пневма, дым, дух, атмосфера, легкий ветер, свободное пространство или пространство между. Воздух — это невидимый элемент. Он непостижим и не дает никаких ориентиров. Возможно, это стало причиной тому, что Парацельс приравнял воздух к совершенному хаосу, позже из этого выражения Жан-Батист ван Хельмонт образует понятие «газ»³⁵.

Этим хаосом и окружены два опускающихся тела, оторванных от всего. Безусловно, в этом можно усмотреть что-то эстетическое, но также и что-то тревожное и, прежде всего, исключительно одинокое в себе, усиливающееся тем обстоятельством, что они спускаются вдвоем. Освободившись от всего, кроме закона притяжения, они становятся абсолютно свободными, однако, вследствие этого и совершенно покинутыми. Их состояние можно назвать свободным и подавленным одновременно, но полет, вопреки давящим чувствам, не прерывается, он неизбежен. Кроме того, они не могут помочь друг другу, даже если захотят, каждый остается наедине с собой.

...парить в воздухе

Сначала появляется один, затем второй, и оба, кажется, парят в воздухе, как если бы они двигались через ничто. Они скользят взад-вперед и от этого странного прочеркивания воздуха у зрителя возникает эффект легкого головокружения. На какое-то мгновение все начинает кружиться в голове, будто смешивая знание с незнанием, уверенность с неуверенностью, представление с собственным опытом. В этой короткой сцене, если мы рассматриваем прыжок как метафору, показана парадоксальность взаимосвязи с миром: принадлежать миру и, все же, не сливаться с ним полностью. В модусе парения связь с миром таинственным образом остается нарушенной. Доходит до того, что в состоянии парения все кажется одновременно возможным: противостояние и сосуществование действительности и призрачности, правды и обмана, чувственности и рефлексии³⁶. Это делает привлекательным состояние нерешительности, укаывая на основу структуры человеческого существа и на хрупкость той свободы, которая может быть сохранена лишь ценой ее потери. Нерешенное стало бы нулем между двумя крайними точками: человек уже и еще ничего не решил. По-моему, эта формула проживания при антропологическом рассмотрении соединяется с двойственностью человеческого, которое, согласно Эдгару Морену, проявляется там, где странный лик homo demens неожиданно наслаивается на привычное нам серьезное, усердное и трудолюбивое лицо homo sapiens³⁷. Этот момент, когда образ человека разумного сменяется образом дикаря, сопровождается легким помутнением восприятия, причиной которого является страх перед самим собой. Однако, это помутнение восприятия имеет и положительные стороны, так как в ходе мелькания образов изначальные ориентиры прекращают работать. Оно может читаться как моментальный снимок выхода за пределы, где реальность выражена также свободно и изменчиво³⁸, и потому уверенность (в безопасности) не спешит подчиниться восприятию, которое само воспринимает себя в условиях усиливающегося разрушения. Восприятие начинается с предупреждения об опасности и открывает последний доступ к действительности. Бейсджампинг через демонстративный жест утраты реальности в непосредственной близости к смерти и иллюзии осуществляет борьбу со смертью во имя спасения той самой реальности, которая неожиданно обретает достоверность. Двойственный характер бейсджампинга, вклю-

³¹ См. там же. 9

³² См. Jullien 1999, 126ff.

³³ См. Adamowsky 2004.

³⁴ См. Böhme 1996, 292.

³⁵ См. Böhme 1996, 291, Peskoller 2005a, 213f.

³⁶ См. Schulz 1985

³⁷ См. Morin 1974, 135

³⁸ См. Nietzsche *Über Wahrheit und Lüge im aussermoralischen Sinne*. 1980, Bd. 1, 882 nach Welsch 1993, 36

Хельга ПЕСКОЛЛЕР / Helga PESKOLLER

| Мгновения невозможной свободы |

чающей в себя движение и нерешительность, подобен процессу парения в воздухе. Практика восприятия действительности в условиях ее разрушения вызывает шок, поэтому этот вид экстремального спорта близок к актуальному искусству.

...приземляться

Бейсджамперы больше не парят в воздухе, они приземляются, и уже буквально 3 секунды отделяют их от удара с землей. Сейчас нельзя ничего перепутать или забыть, необходимо дернуть за кольцо, и это действие четко отработано. Они оттягивают кольцо правой рукой, движение настолько стремительно, что даже замедленная съемка не позволяет разглядеть детали. Веревка вытянута, остальное происходит в голове. Сомнение в том, что все было сделано правильно, велико. Переходя из состояния самой чистой радости на границе с бессознательным в состояние свободного парения и нерешительности, прыгуны обретают невероятную трезвость и ясность сознания в момент ожидания того, как пройдет приземление. Во время этого ожидания происходит безудержное падение вниз. Это самый невыносимый момент в прыжке, говорит Ханнес Арч, он длится всего полсекунды, но кажется вечностью. Прыгун с нетерпением ожидает короткого сильного толчка от раскрытия парашюта, и вся история повторяется сначала: сейчас нужно пережить с полным осознанием последствия собственного решения, которое было принято перед прыжком.

За мягкостью полета, снижения и парения следует трезвость и твердость, больше нет ощущения погружения или опья-

нения, есть только действительность, которая ничего не открывает и все показывает. Вокруг сплошные утраты: утрата тайны, дистанции и игры с иллюзией³⁹.

...заканчивать

Все прошло хорошо, парашют раскрылся и, счастливые, они приземлились на лугу Гриндельвальда. Год спустя Ули Гегеншатц и Ханнес Арч совершили прыжок с Маттерхорна, который из-за меньшей высоты стены был гораздо короче, всего 4 секунды, тогда как на Эйгере он длился 11 секунд. Но для одного из прыгунов последний опыт оказался неудачным — мгновения испытываемой свободы были вытеснены реальностью неизвестного⁴⁰.

Поставленный в начале вопрос о том, какая свобода возникает и каким образом она приводится в действие, находит ответ в признании того, что экстремальный спорт обещает ограниченную, хрупкую свободу, она существует только в то мгновение, которое ее производит и приводит в действие. Мгновение — это одно из измерений свободы и оно зависит от места. Место обуславливает моменты свободы. Место определяется «свободной волей» и правильность этого выбора точно проверяется в действии. Это называется — самовоспитание, имеется ввиду достаточно сложный процесс, в котором свобода воли может быть применена только с целью обретения шанса на свободу: вопреки, с, и несмотря на риски.

³⁹ См. Baudrillard 1985, 59ff.

⁴⁰ Это случилось с Ханнесом Арчем, он прекратил заниматься бейсджампингом и перешел в аэр-форс.

